

Частный детектив
Татьяна Иванова

МАРИНА СЕРОВА

Попытка
не пытка

Марина С. Серова
Попытка не пытка
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167217
Попытка не пытка: Эксмо; М.: 2008
ISBN 978-5-699-25066-0*

Аннотация

Расследуя дело об исчезновении человека в поезде, частный детектив Татьяна Иванова ехала в том же вагоне и на том же месте, что и пропавший. Она как чувствовала, что место это не простое. И оказалась права. Сразу же начались какие-то странности: то ее попросили поменяться местами, предлагая за это подарки и деньги, потом подсыпали что-то в чай. И хотя Таня была готова к неожиданностям, но то, что случилось с ней дальше, даже она не могла предвидеть...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Марина Серова

Попытка не пытка

Глава 1

Пиво из железяки

Не знаю, у кого как, но лично у меня железная дорога всегда вызывает какое-то особенное чувство.

Когда по воле случая или необходимости на время оказываешься среди встречающих, провожающих и отъезжающих, я все время испытываю странный зуд, который поэтически настроенные люди называют «охотой к перемене мест» или еще более витиевато.

При виде поездов и рельсов мне хочется быстро, ни о чем больше не думая, схватить чемодан, запрыгнуть на любой проходящий мимо поезд и куда-то нестись, мчаться, пересекать бескрайние заброшенные просторы нашей необъятной страны и особенно – густо заселенные пространства за ее пределами.

Потом уже, наверное, может возникнуть закономерный вопрос: а куда это ты, Танечка, собралась? Куда это тебя, родимая, понесло?

Но это потом. А вначале – одно только сильное, необъ-

яснимое «железнодорожное чувство», которое бывает никак не меньше внезапно вспыхнувшего сексуального желания.

Такое чувство я обнаружила в себе сегодня в тот самый миг, когда майским весенним утром зашла в здание железнодорожного вокзала города Тарасова, неся в одной руке большую дорожную сумку, а в другой – полиэтиленовый пакет с неизменным дорожным продуктовым набором в виде поджаренной куриной ноги, нескольких яиц, сваренных вкрутую, бутербродов с сыром, пакетиков с чаем и «кофе со сливками», баночки с сахаром, большой бутылки нарзана и горсти шоколадных конфет. Да, чуть не забыла, тут же сверху лежали газета с кроссвордами и детектив в мягкой обложке, которые тоже можно без труда отнести к разряду легко усваиваемых дорожных радостей, но уже не для пищеварительного тракта, а для мозгов.

Все это я перечисляю в таких подробностях, потому что содержимое продуктового пакета несколько раз раскладывалось передо мной на столе и подробно рассматривалось на предмет «как бы чего не забыть», и поэтому вид всех этих свертков и пакетиков успел уже порядком надоест мне.

Ведь сегодня в роли отъезжающей торжественно выступала моя тетушка Роза, которая в кои-то веки собралась отдохнуть от своих забот и хлопот в подмосковном санатории, а я провожала ее на поезд, невольно испытывая легкое чувство зависти.

Нет, я ни за какие коврижки не согласилась бы провести

двадцать дней в санатории «Сосновая роща», даже если вообразить, что там действительно прекрасный воздух, вековые сосны и, как выражалась моя милая сентиментальная тетька, «великолепные шишкинские пейзажи». Ее послушать – так там мишки косолапые до сих пор валят деревья!

Допустим, что пейзажи там вполне сносные, но весь этот заведенный санаторный распорядок завтраков и обедов по часам, сомнительные увеселения в виде спортивных игр и танцев под руководством штатного массовика-затейника, общество номенклатурных заслуженных дядечек с пузиками и пенсионерок, свихнувшихся на своих болезнях, которые все равно уже нельзя вылечить, – это нормальному человеку вынести просто невозможно! Картины санаторно-курортной жизни, увиденные даже не наяву, а только мысленно, вызывали у меня ощущение дикой скуки и тоски.

Мне кажется, лично я, попав в подобную богадельню, уже на второй день начала бы устраивать там шухер, предлагая вместо вечерних массовых песен под одинокую гармонь поиграть в «бутылочку», или вышла бы к руководству с требованием выдавать желающим положенное мясо не в виде жалких серых кубиков, плавающих в супе, а прямо сырьем, чтобы из него можно было сделать на полянке шашлык.

Не исключено, что на третий день я была бы уже выдворена за нарушение «общественного распорядка» или с какой-нибудь другой формулировкой. Хотя можно предположить, что все это случилось бы только на пятый или даже на

шестой день моего пребывания в лечебно-оздоровительном учреждении, и никак не раньше.

Моя работа частного детектива временами требует такого невероятного нервного напряжения, что в первый же день, доведись мне все же попасть в тетушкин санаторий «Сосновая роща», я бы просто упала на кровать и спала, спала, спала дня три подряд при открытой форточке, из которой наверняка доносилось бы приятное чириканье и поддувал ветерок, стирая все неприятные воспоминания.

Возможно, после подмосковного курорта я бы совсем забыла странную улыбку на мертвом лице одного из своих клиентов, которая до сих пор не давала мне покоя. То запутанное дело я тогда все же раскрыла, убийца был найден и отдан в руки правосудия, но я никак не могла понять: над чем же так заразительно смеялся неудачливый бизнесмен Сергей Коротаяев, получивший несколько секунд спустя удар ножом в сердце, так что лицо покойного даже не успела исказить гримаса страдания? Может, убийца перед смертью рассказал своему лучшему другу анекдот? А какой именно? Увы, об этом теперь никогда не удастся узнать, так как сам рассказчик покончил в тюрьме жизнь самоубийством.

Или, например, вот еще загадка: зачем эта странная особа, запутавшаяся в махинациях с золотом, директриса ювелирного магазина Эльвира Борисовна Трипольская, прежде чем перерезать себе вены в ванне, напустила туда три пузырька ароматической пены? Я так и вспоминаю теперь эту

загадочную, немолодую женщину с необъятным телом, которая в дорогом купальном костюме и с щедрым макияжем на лице возлежала у себя в джакузи мертвой среди красных, радужных сугробов пены. Эффектно, но как ужасно! Нет, ну что, спрашивается, за бред? Зачем ей понадобился весь этот антураж? Однако с подобными вещами мне по долгу службы приходится сталкиваться постоянно и потому нервишки нужно иметь железные. Ведь чуть ли не каждое раскрытое дело, помимо очевидной тайны, имеет еще и подобные маленькие скрытые загадки, которые почему-то имеют поганое свойство особенно крепко застревать в памяти.

Но... даже провалявшись на санаторной койке, к примеру, трое суток, я все равно когда-нибудь должна была бы выйти «в люди»! Вот тут бы самое интересное и началось!

И все же я завидовала своей тетушке не потому, что она будет в «Сосновой роще» слушать пение птичек, а исключительно из-за того, что сейчас именно она садилась на поезд и – ту-ту! Всем – привет и пока! Хоть какое-то время можно под равномерное «чух-чух-чух-чух» смотреть в окно вагона и без особого труда подминать под себя поля, города, покорять целые пространства.

Увы и ах! Сейчас в моем частном детективном агентстве, где я в единственном числе работала и начальником, и подчиненной, накопилось столько больших и маленьких дел, что я не могла себе позволить даже недельной передышки. Скажем так: директор Татьяна Иванова не находила возможно-

сти в данное время предоставить своему сотруднику, частному детективу Тане Ивановой, даже короткого отпуска, чтобы та смогла где-нибудь в отдалении от родного города Тарасова принять горизонтальное положение.

Аргументация директора Татьяны Ивановой была сухой, но убедительной: ты, Танечка, пока не принадлежишь по возрасту к тем, «кому за тридцать», чтобы стремиться к покою и изо всех сил рваться к койке.

Сотрудник пытался слабо возражать, но директор, как всякий начальник, был неумолим. Он напомнил частному детективу, что не мешало бы ему усесться за компьютер, просмотреть картотеку и подумать, как завершить начатые, но по тем или иным причинам «зависшие» дела.

И потом – шепнул на ухо этот хитрый руководитель – не стоит поддаваться случайным порывам! Нужно заработать денег, и если уж так хочется непременно «чух-чух-чух», то лучше все же выбрать конечным пунктом райский уголок в Швейцарских Альпах, отель на берегу Средиземного моря, а не заплеванный вокзал где-нибудь в родной глуши. Следует заранее застраховать себя от неприятностей, уверяло мудрое руководство, которому и положено быть таким, подсказывая даже, как должен выглядеть настоящий страховой полис от разочарований – в виде пачки крупных купюр в долларах.

– Господи, даже не знаю, может, еще кофе купить? – приостановилась возле вокзального киоска тетя Роза, которая все никак не могла отрешиться от суеты, которой сопровож-

дались сборы в дорогу. – А вдруг тогда не засну?

– С этой баланды точно заснешь, – сказала я. – Но лучше бы ты себе пива купила. Сама же говорила, что на тебя пиво действует как снотворное.

– Что ты! А что люди подумают? Соседи по купе? Все будут пить чай, а я бутылку пива открою? – испугалась тетушка, с вождением пробегая при этом взглядом по этикеткам на бутылках.

Когда-то была популярной песенка, где Гребенщиков просил, чтобы ему дали напиток железнодорожной воды. А железнодорожное пиво все же куда лучше!

– Хорошо бы даже две бутылки. Какая тебе разница, кто что подумает?

– Ну, знаешь ли, – сразу обиженно поджала тетя Роза губы. – Так мы с тобой не знаю до чего договоримся...

Я вздохнула и промолчала. Судя по всему, сейчас мог начаться обычный «конфликт поколений», который все равно никогда не завершался чьей-либо победой или перемирием, а только исключительно дамскими слезами. Нет уж, сегодня перед отъездом тети ссориться с ней мне особенно не хотелось: все же человек чуть ли не на месяц уезжает, нервничает! Ну не хочет она пить пиво, что тут поделаешь? Значит, ей больше нравится ворочаться всю ночь, как на раскаленных углях, под храп какой-нибудь бабуся, лишь бы не прочесть удивления на ее сварливой моське и не прослыть в чужих глазах пьяницей.

– Смотри, тетя Роза, последний раз предлагаю, – повторила я, показывая на витрину. – Здесь и твоя любимая «Бавария» есть. Давай куплю.

– Нет уж, пошли, – еще раз вздохнула тетя, всем своим видом изображая из себя жертву общественной морали. Той самой, которая начинается со слов: пусть мне будет плохо, но...

Этого я никогда не понимала и даже не собираюсь понимать. Потому что мои принципы в изложении звучали бы так: пусть мне будет очень хорошо, а для этого надо...

Какие тут можно найти общие точки соприкосновения?

И все же мораль моей добропорядочной тетушки была несколько посрамлена, когда в купе, где я разместила ее дорожный багаж, появились попутчики – два молодых паренька со спортивными сумками через плечо и сеткой, из которой торчали бутылки пива и сухие рыбы хвосты.

Я выразительно посмотрела на мою праведную Розалию, но она сделала вид, что не поняла моего взгляда, и лишь украдкой вздохнула, поглядев в окно.

А посмотреть было на что: наши соседи по купе как раз вышли прощаться со своими девушками, которые ходили туда-сюда по перрону, как топ-модели по подиуму, демонстрируя провожающим и отъезжающим свои длинные ноги, голые спины и пупки.

Хотя, честно говоря, по части стройных ножек и модной стрижки я вполне могла бы с ними сейчас посоревноваться,

если бы такая охота вдруг возникла.

Мои зеленые глаза неплохо сочетались с аметистовыми камешками на длинной нитке бус и тоном короткого платья цвета сочной листвы, в которое я специально принарядилась, чтобы порадовать тетю Розу. Она предпочитает видеть свою любимую племянницу исключительно «женственной» и всякий раз расстраивается, когда я забегаю к ней в джинсах или шортах. Не стану же я ей объяснять, что в таком прикиде мне гораздо удобнее ходить на дело, а при случае – «делать ноги» или драться.

Впрочем, мои родственники до сих пор имеют весьма туманное представление о моих занятиях. Знают, конечно, что я окончила юридический институт, что сейчас работаю в каком-то особом секретном агентстве, где сотрудникам не разрешают разглашать коммерческие и любые другие тайны и за это платят очень хорошие деньги. Они уже даже привыкли к тому, что высокооплачиваемый молодой специалист Танечка Иванова сама теперь может позволить себе все, что угодно, начиная с новой шубки и заканчивая заграничным круизом.

Вот, собственно, и все, что знает обо мне впечатлительная тетя Роза, – и меня такое положение вполне устраивает.

Услышала бы она какую-нибудь историю из моей практики частного детектива! Например, про то, как последний раз пришлось расследовать дело о похищении из городского морга трупа одного влиятельного банкира, а для этого очень

плотно познакомиться с деятельностью этого заведения и работой патологоанатомов. Тут, я думаю, моей тетушке перед сном и ящик пива бы не помог!

До отправления поезда осталось несколько минут – самых тягомотных, когда все, что нужно, уже сказано, но уходить тоже не имеет смысла, не доведя прощальный ритуал до эффектного конца – взмахов ручкой.

– Хорошее у меня место. Нижнее, – сказала тетя, которая, похоже, тоже не знала, о чем еще говорить. – Я через Тамару билеты доставала. Ты ее хоть помнишь? Ну Тома, моя двоюродная сестра, в предварительной кассе сидит. У нее еще дочка Ксюша проводницей работает...

– Помню, – соврала я, с трудом припоминая девочку с рыжим хвостиком на голове, что в детстве звалась Ксюшкой троюродной, но про существование которой я уже много лет не вспоминала.

– Ой, боже мой! – вдруг громко воскликнула тетушка и схватилась рукой за грудь, как будто с ней случился сердечный приступ.

– Что случилось? – испугалась я невольно.

– Да самое главное чуть не забыла, – переполошилась она. – С этими сборами совсем замоталась. Хорошо, хоть сейчас вспомнила. Я, когда пошла в предварительную кассу билеты покупать, не знала, что цены снова поднялись, так что на сорок шесть рублей дороже получилось. Тома мне из своих денег дала. А я ей пообещала, что занесу. Вот бы по-

том мучилась, что забыла. Возьми деньги, ты уж выручи меня, пожалуйста, отнеси ей.

– Фу ты, перепугала! Что у меня, сорока рублей, что ли, нет? – недовольно отстранила я руку тети Розы: вечно она паникует из-за разных глупостей! – Оставь лучше мелочь на носильщика. Смотри там не экономь, сама сумку не таскай...

– Но ты же носишь! – улыбнулась тетя Роза.

– Мне полезно тренироваться. Нужно быть в форме, – сказала я, но, чтобы дальше не последовало лишних вопросов, на всякий случай добавила: – Помнишь, я карате занималась? Тренер говорил, что разряд нужно подтверждать всю жизнь.

– Только ты пообещай, что не забудешь, – попросила тетя. – Они небогато живут, я знаю. Для них эти сорок рублей – тоже деньги, и вообще, некрасиво как-то получается. Человек меня выручил. Я так поняла, что сейчас Ксюша на поезде Тарасов – Душанбе работает, всякие вещи дешевые с юга на продажу привозит. Может, и ты себе что-нибудь купишь?

– Нет уж, спасибо, – сказала я. – Я привыкла к бутикам. Там уж если купил трусы, то при случае и раздеться не стыдно.

Бедная тетя Роза кротко на меня взглянула и вздохнула. Понятное дело, почему: по дороге я намекнула, что неплохо бы ей в «Сосновой роще» закрутить курортный роман с каким-нибудь «настоящим полковником», и она прямо-таки задохнулась от возмущения, которое, впрочем, показалось

мне несколько притворным.

Услышал бы, мол, меня сейчас дядя Слава! И как я могу... И вообще... Караул! Спасите!

Хотя по моим личным агентурным данным, имелись точные сведения о том, что дядя Слава, или, как я его зову, дядя Славик, равнодушен к своим секретаршам и вообще имеет пылкий интерес к пышным крашеным блондинкам любого возраста. И я его не осуждаю: ну что поделаешь, если эти дамочки позволяют ему поддерживать жизненный тонус на нужном уровне? Самое интересное, что тетя Роза и сама про эти пристрастия мужа прекрасно знает, но все же упорно предпочитает делать вид, что находится в полном неведении, и изображает образцовую супругу образцовой супружеской пары.

Нравится ей жить иллюзиями, хоть ты тресни! И вряд ли их сможет развеять какой-нибудь полковник или даже маршал бывшего Советского Союза. Лучше моя тетушка будет тихо лить слезы в подушку и годами ждать, когда супруг оторвется от своих блондинок и вспомнит, что его жена тоже женщина, вместо того чтобы закрутить назло ему ответный роман.

В этом вопросе наш с тетей «конфликт поколений» был особенно непримиримым. Бедняжка, она даже перестала спрашивать, когда же я наконец выйду замуж, поняв, что идея свободной любви мне как-то ближе.

– Вот, я тут написала адрес Томы, – протянула тетя Роза

мне записку. – От вокзала всего пять минут ходьбы. Но можешь и в предварительную кассу заглянуть, как тебе будет удобнее. Только умоляю – не забудь!

– Я никогда ничего не забываю, – ответила я и подумала, что мои слова напоминают фразу из какого-то фильма про секретного агента ЦРУ.

Слава богу, по коридору уже бодро бежала проводница, сообщая, что провожающим настало время покинуть вагон.

– Счастливо, если что – звони, – чмокнула я тетюшку в щеку. – Желая тебе там здоровья и счастья в личной жизни...

В тамбуре я столкнулась с одним из пареньков – тетиным попутчиком, – который всасос целовался возле вагона с подружкой.

– Слушай, парень, я подброшу тебе денег: уговори свою соседку по купе выпить с вами пива. А то она в поезде плохо спит. Пусть хоть немного расслабится.

– Без проблем, – широко улыбнулся парень, вертя в руке пятидесятирублевую бумажку. – А ты сама разве не едешь?

– Тетку провожаю.

– Жалко, – сказал юноша, у которого губы еще были влажными после поцелуев на перроне, но он уже откровенно осматривал меня с ног до головы, всем своим видом показывая, что остался доволен «досмотром» и очень даже не прочь познакомиться поближе.

Я решила прямо сейчас, не откладывая в долгий ящик, пока действительно не позабыла про тетину просьбу, заскочить на минутку к своим дальним родственничкам. Про идеальную память я, конечно же, загнула. Память моя была натренированной, но сильно избирательной: я отлично помнила только важные для себя вещи, а всякие мелочи, типа чужих бытовых поручений, могла моментально позабыть.

Отыскивая нужный дом на улице Аткарской, я пыталась вспомнить хоть что-то вразумительное про свою родню, о которой не вспоминала уже без малого лет десять, но ничего примечательного в воспоминаниях не обнаружила.

Детские впечатления сохранили длинное, вечно унылое лицо тети Томи, в гордом одиночестве растившей дочку – вредное рыжее прыщавое существо по имени Ксюша, которая училась исключительно на тройки и страдала хроническим насморком. Поэтому, помнится, меня несколько удивил услышанный мельком разговор между тетей Розой и дядей Славиком, из которого я поняла, что сразу же после школы, в возрасте неполных семнадцати лет, эта Ксюша вышла замуж за какого-то типа кавказской национальности, а уже в августе, когда ее подружки сдавали вступительные экзамены в те или иные учебные заведения, родила чернявого мальчонку.

Я еще подумала: вот это темпы! Стахановские! Еще до тридцати лет можно стать матерью-героиней и получить медаль, а также инвалидность по части гинекологии.

Но на первом же ребенке дело вроде бы и остановилось: с кавказцем Ксюша быстро разошлась, снова вернулась жить с сыном к тете Томе и с этих пор работала проводницей на железной дороге.

Вот, собственно, и все, что можно было вспомнить. Да, еще тетя Тома все время любила повторять слова, которые в детстве меня выводили из себя: «Я человек маленький, ничего не знаю – какой с меня спрос?» И все время ныла про нехватку денег, жаловалась на дороговизну продуктов и на свою злую одинокую судьбу.

Дядя Славик по этому поводу шутил: «Наша Тома все время из себя рыжую строит». Хотя тетя Тома и правда была рыжей – даже ее карие глаза и то отливали каким-то оранжевым оттенком, не говоря уж о волосах и веснушках на руках. А я, глядя на ее физиономию, была полностью на стороне Ксюшиного папани, который в один прекрасный день собрал нехитрые пожитки и срулил от семьи в сибирский город нефтяников якобы на большие заработки, откуда назад не вернулся. Да я на его месте вообще бы повесилась, приведишь мне находиться в обществе такой тети Томы больше часа. Лучше головой в петлю!

– А матери дома нет! – высунулась в дверь бледная, помятая физиономия женщины, возраст которой на глаз слож-

но было определить даже частному детективу. Лишь по рожкам косматым волосам можно было догадаться, что это была Ксюша.

– Ничего, я только передам деньги. Вот, здесь сорок с чем-то рублей. Скажи, что от двоюродной сестры, за билет, – сунула я в дверную щель деньги, собравшись тут же уходить.

– Тю, это, Танька, ты, что ли? – пристально взгляделась в меня родственница и вдруг совершенно по-детски обрадованно всплеснула руками. – Е-мое! И правда – Танька! А я тебя не узнала! Думала, какая-то школьница или вообще не знаю кто. Артистка. А ты меня как, признала?

– Ну да, – замялась я несколько.

Не говорить же прямым текстом: да тебя, мать, вообще узнать невозможно! Казалось, что с тех пор, когда Ксюша как-то заходила к нам еще в школьной форме, прошло не десять лет, а черт знает сколько.

– Ой, заходи же скорее! – воскликнула Ксюша, широко распахивая дверь. – А я тут дрыхну, отсыпаюсь после смены. Не обращай внимания на мою опухшую рожу.

Теперь она предстала передо мной во всей красе – в длинной ночной рубаше с аляповатым рисунком и шлепанцах на босу ногу.

– Ты спи, я все равно тороплюсь, – сказала я, но неожиданно Ксюша совершенно бесцеремонно, проявив недюжинную силу, схватила меня за плечо и втянула в квартиру, словно в свое купе. Наверное, за годы работы в поезде у нее вырабо-

тался определенный навык впихивать или запросто выталакивать пассажиров, не вдаваясь в излишние рассуждения.

– Нет уж, дай я тебя сначала рассмотрю как следует! – заявила Ксюша так простодушно, что на нее было трудно обидеться. – Сто лет ведь не виделась, сестренка! И вообще, я тебя теперь так просто не отпущу, поняла? Будем сейчас пиво пить! Чуешь, на улице какая жарница? А у меня холодненькое, прямо из железяки!

– Из какой еще железяки? – удивилась я.

– Из буфета нашего железнодорожного. Проходи же! Чего застыла, как шлагбаум!

Честно признаться, предложение Ксюши промочить горло показалось мне соблазнительным. Да и почему бы действительно не выпить в жару пивка, а тем более с собственной сестрицей! Какая ни есть, а все же родня! Лишние десять минут в моих делах все равно роли не сыграют.

Поэтому я сняла свои туфли на высоком каблуке, давая приятную возможность отдохнуть ногам, и послушно пошла на кухню за сестренкой, которая по возрасту была моей ровесницей.

– В комнату не зову: там у нас настоящий базар-вокзал, – попутно знакомила меня с обстановкой в доме Ксюша. – Я только что из рейса, еще ничего толком не разобрала. Сейчас летом должны хорошо дешевые купальники и футболки пойти – вон, видишь, целая вязанка! На кухне тоже бардак страшный. Давай на балконе устроимся, а? Там и попрохлад-

нее.

– Да мне все равно, – сказала я. – На свежем воздухе даже лучше.

Пока я осматривала открывшийся с балкона железнодорожный пейзаж с уходящим вдаль переплетением рельсов, каких-то столбов с фонарями и снующими локомотивами, Ксюша расставила на табуретке стаканы для пива, нарезала копченого балыка, колбасы. Даже поглядев на этот импровизированный столик, можно было понять, что мнение моей впечатлительной тетушки о вопиющей бедности родственников, как всегда, было крайне преувеличенным.

– Девчонки с астраханского подбросили, – кивнула Ксюша на рыбу. – Ты говори, если тебе чего будет надо. На поездах все можно достать. Тут и держусь, потому как...

Дальше я слов не расслышала – речь Ксюши перекрыл мощный гудок локомотива.

– Вас тут шум с железной дороги не достает? – спросила я, переждав, пока сигнал прекратится.

– Да нет, я вообще не замечаю, – засмеялась хозяйка, разливая по стаканам «Балтику». – Давай за встречу, сестренка. Как говорится – сколько лет, сколько зим! Я забыла, Танюша, ты у нас кто будешь теперь? Юристка?

– Точно, юристка, – ответила я, с удовольствием отпивая прохладного пива.

– Ну хоть не этим самым работаешь? Не следователем?

– Да нет, – сказала я, но внутренне слегка напряглась: по-

падание было близко к цели, а я предпочитала не трепаться без особой необходимости о своей работе. – По имущественному праву.

– Да? – переспросила Ксюша и при этом опасливо покосилась на комнату, заваленную тюками.

По всей видимости, у нее имелись свои представления об имущественных правах, которые несколько расходились с законными, но, увидев, что я не проявляю к ее барахольному бизнесу ни малейшего интереса, она тут же переключилась на другое.

– Слава богу, – проговорила она с внезапным раздражением. – А то меня вчера этот следователь прямо запарил! Сто раз про одно и то же спрашивал, как дятел. Я ему отвечаю, а он снова свое. Я говорю, а он как будто нарочно глухим притворяется, твою мать! Мне потом сказали, что они специально так делают, чтобы подловить на несостыковочке, но честный человек тут при чем! Я действительно ничего не знаю. И сразу им так и сказала: ничего не видела, оставьте меня в покое. Да разве они могут! Изверги!

– Что случилось-то? – не поняла я ничего толком из сбивчивой обвинительной речи Ксюши.

– Мужик из моего вагона пропал, вот что! – ловко откупорила еще одну бутылку Ксюша. Она пила пиво стакан за стаканом, без лишних проволочек. – Куда делся? Шут его знает! Вроде бы вечером, как все, чаю выпил, спать лег, а утром – нет нигде. Я и внимания поначалу не обратила. Ма-

ло ли кто где ходит? Одни из ресторана всю дорогу не вылезают, другие в соседних вагонах знакомых находят – мне-то что за дело? Спихнулись только на вокзале, когда мужика встречать пришли, а того и след пропал.

– А вещи?

– Тут вообще ничего не поймешь! У него чемодан был с собой большой и сумка, и он с ними как будто испарился. Но главное, мужик этот оказался из крутых, из начальников! В общем, такой переполох начался, просто караул. Вчера, вместо того чтобы после рейса нормально отоспаться, пришлось весь день по каким-то отделам мыкаться – показания с меня списывали. Сплошная нервотрепка.

– Да, нервная у тебя работа, – согласилась я. – Да еще поезд, наверное, самый стремный. Говорят, из Душанбе больше всего в наши края наркотиков завозят. Ты бы уж лучше на каком-нибудь московском каталась.

– Не скажи! – горячо возразила Ксюша. – Я пробовала одно время на питерском направлении работать: ничего хорошего. Работы не меньше, также стаканы и полотенца воруют, зато никакого навару не получишь. А теперь мы с подружкой в доле: я ей тряпки с восточного рынка привожу, она продает, а выручку делим. Мне ведь пацана поднимать надо. Мать сейчас тоже гроши зарабатывает. Когда на билеты дефицит был, ей хоть взятки давали. А теперь вагоны полупустые ходят, иногда в купе хоть четыре места сразу занимай! Я, сестренка, наоборот, теперь вся в переживаниях: как бы

из-за этой шишки пропащей меня на другое направление не перевели! Вот когда будет полная херня!

– Так что за мужик-то? – заинтересовалась я невольно: вдруг кто-нибудь из моих бывших или нынешних клиентов попал в новую переделку?

– А шут его знает! – раздраженно махнула рукой Ксюша, у которой, как я заметила, была привычка размахивать руками, словно она отпихивалась от невидимых врагов. – Начальник по культурным связям с кем-то. Общество российско-турецкой или еще какой-то там дружбы. А я так думаю: чего нам с ними дружить, с басурманами? Сдались они все! Я пока замужем была, выше крыши на их мусульманские порядки насмотрелась, думала, что повешусь.

– А как фамилия твоего пропавшего? – не отставала я от Ксюши уже просто по привычке. Постепенно я приучила себя не перескакивать на другую тему до тех пор, пока не получу любым путем ответа на заданный вопрос.

– Неужто забыла?

– Да как же! Я его фамилию дурацкую теперь во сне буду помнить, столько раз мне вчера уши прожужжали про этого Погорельцева Игоря Николаевича, чтоб он сгорел, – заявила моя «добренькая» сестренка. – Сдернул куда-то со своим чемоданом, а я должна теперь отвечать. При мне на станциях ночью он точно не выходил, да и вообще никто из наших в поезде его не видел. А ты что, знаешь такого?

– Нет вроде бы, – задумалась я.

Знакомый Погорелов у меня был – журналист тарасовской газеты. Несколько Гореликов я тоже хорошо знаю. Один товарищ с фамилией Гореликов имелся среди банковских служащих. Но с Погорельцевым встречаться не доводилось, что, возможно, и к лучшему.

– Может, наркотики возил? – высказала я свое предположение.

– Да кто их знает! Я, сестренка, стараюсь от таких дел держаться за три версты. Особенно после того, как двоих проводников с нашего поезда – Шурика и Ваську – за решетку упекли за пособничество наркодельцам, – невесело вздохнула Ксюша, возле ног которой постепенно скапливалась целая батарея пустых бутылок. – Ежу понятно, что травкой-муравкой и всяким порошком куда выгоднее заниматься, чем тряпками. Но у меня, Танюша, Толик растет, я так рисковать не могу. А потом, со мной как-то один случай был, после которого от одного слова «героин» блевать тянет. Тебе можно за столом рассказать, не затошнит?

– Да ладно уж, рассказывай, все свои, – заинтересовалась я.

И услышала во всех красках историю, как однажды бедной Ксюше пришлось всю ночь возиться с двумя пассажирами, у которых открылась сильнейшая безостановочная рвота.

Вначале она на них просто ругалась, думая, что имеет дело с пьяницами: грозила штрафом, высадкой на ближай-

шей станции, требовала хотя бы компенсацию за уборку, но только к утру, когда один из этих типов начал синеть, была вызвана «Скорая», на которой оба пассажира были отправлены в больницу.

Как выяснилось, они пытались провести в своих желудках упаковки с героином, которые неожиданно начали давать «утечку». Один наркокурьер так и скончался тогда в страшных муках, но второго все же удалось спасти и передать в руки милиции.

– Только тот, кто не знает, говорит, что скукотища ездить по одной и той же дороге, – самодовольно заметила Ксюша. – Ни фига! И в кино ходить не надо: каждый день что-нибудь новенькое случается! Только бы с этим Погорельцевым теперь все обошлось! А то наше начальство, как в каком-нибудь вагоне начинают слишком уж часто ребята в фуражках с собаками появляться, тут же нашего брата-проводника старается в другое место перевести. Или...

Ксюша еще что-то принялась рассказывать про жизнь проводников и их непосредственных начальников, но этих подробностей я уже не услышала – воздух снова сотряс пронзительный гудок ползущего по рельсам тепловоза, который таким образом объявлял о своем прибытии в депо и на много метров вокруг заглушал все прочие звуки.

– «Шестой», «шестой», пропускаем электропоезд на Багаевку, – громко, прямо у меня под ухом, произнес следом голос диспетчера. – «Шестой», ты меня слышишь?

– Да что я, глухой, что ли, – отозвался на всю окрестность «шестой».

– А чего молчишь как партизан? – продолжал допытываться женский голос из диспетчерской.

– Чего-чего? Живот болит, – ответил «шестой». – Но кого это колышет?

Я подумала, что в эту минуту бедному «шестому» должны были посочувствовать сотни невольных слушателей, живущих в десятках домов вдоль железной дороги.

– Смотри какой умный! – заметил голос из диспетчерской. – Как зарплату получать, так у тебя ничего не болит...

Это было так забавно и в то же время нелепо, что казалось невероятным: из-за допотопной связи жильцы окрестных домов обречены были и днем и ночью слушать подобные разговоры, ругань, чужие производственные перебранки. Хотя, судя по тому, что Ксения, не прерывая, продолжала свой рассказ, она уже просто не обращала ни малейшего внимания на постоянные громкие диалоги диспетчеров и машинистов в железнодорожном «прямом эфире». Как будто бы вовсе их не слышала!

Признаться, я даже посмотрела на нее с некоторым восхищением: вот это выдержка!

Зато из следующего разговора по громкоговорителю я поняла, что времени натикало уже почти одиннадцать утра – мне пора было уходить.

– Что же я только одна говорю? – очнулась Ксюша. – Ты

о себе расскажи: сама-то – замужем или пока в девках гуляешь?

Но отвечать на эти вопросы мне, к счастью, не пришлось.

В дверь позвонили, и Ксюша сорвалась с места открывать. Я тоже встала с табуретки, полагая, что сейчас представился удобный момент удалиться.

По крайней мере, я узнала, что моя сестренка нашла свой способ как-то выживать в этой жизни сама, тянуть других и при этом не ныть и скулить, как ее мамаша.

Но не успела я про это подумать, как услышала в коридоре сдавленный крик Ксюши.

Глава 2

Кулачные вопросы

– Ой, мамочки, грабят! Убивают! – слышались ее причитания.

– Молчи, а то убью, – пригрозил мужской голос.

Можно было не сомневаться, что на мою рыжую родственницу совершалось разбойное нападение.

Правда, неизвестно, в каких целях, но думать об этом сейчас было некогда.

На цыпочках, быстро и бесшумно ступая, я нырнула с балкона в комнату и затаилась за одним из тюков, благо, их размеры позволяли чувствовать себя как в окопах. Отсюда мне гораздо лучше было слышно, что в коридоре происходила какая-то возня, и даже было видно нападавшего – молодого, весьма симпатичного парня, со светлым ежиком волос на голове и суровым выражением лица, который скручивал Ксюше руки, заломив их за спину.

Прежде чем вмешаться, нужно было выяснить, сколько человек грабителей и чем они вооружены, чтобы прикинуть приблизительный план дальнейших действий и рассчитать свои силы.

Преступник втолкнул в комнату мычащую Ксюшу, у которой рот был заткнут кляпом («Не профессионал! Это удоб-

нее делать лейкопластырем!» – пронеслось у меня в голове), а руки связаны веревкой.

Как ни странно, но молодой бандит был один.

– Слушай меня внимательно, – сказал он. – Если ты обещаешь, что не будешь кричать и звать на помощь, я просто задам несколько вопросов и ничего плохого тебе не сделаю. Но если ты вздумаешь...

Продолжения угроз я ждать не стала и быстро выскочила из своего укрытия, как только обидчик сестры повернулся ко мне спиной.

Он и понять ничего толком не успел, как уже стоял на четвереньках, получив сзади удар по болевой точке на позвоночнике, и жалобно поскуливал. А я сидела на нем верхом, крепко обхватив молодого да раннего (и явно неопытного) налетчика своими длинными ногами, а рукой зафиксировав шею, давая понять, что если тот будет дергаться, то к нему придется применить более крутые меры.

– Соппротивление бесполезно, милиция, – сказала я преступнику, тяжело дыша в его светлый пушистый затылок, подстриженный модной лесенкой, который почему-то вызывал во мне какие угодно чувства, кроме закономерной злости.

– Откуда? – прохрипел тот из-под меня, разом замирая на месте в своей нелепой раскоряченной позе.

Я чуть было не сказала ему как в детстве: «От верблюда!», но благоразумно промолчала и, пользуясь тем, что он боль-

ше особенно не сопротивлялся, слезла с противника, усадила его и крепко связала ему руки за спиной черными колготками, вовремя выпавшими из какой-то опрокинутой сумки с барахлом.

Наша схватка закончилась, едва начавшись.

Не скрою – увидев перед собой воочию «стража порядка» в коротком сексуальном платье и со стройными загорелыми ногами, налетчик сначала посмотрел на меня совершенно ошарашенно, а потом снова конвульсивно задергался, пытаюсь освободить руки. Но было уже поздно.

Плохо лишь, что я недооценила темперамент Ксюши, которая, как только я ей развязала руки и вытащила кляп, сразу же набросилась на мальчишку и принялась лупить его обеими руками, особенно стараясь заехать кулаком в глаз.

– Гад! Вот гад! – орала она во всю глотку, которая вполне могла бы посоревноваться с паровозным гудком. – Смотри какой умный! Позарился на мои вещички! Подглядел, как носильщик их вчера домой припер? Подглядел? Подглядел? А что, если я тебе глаза сейчас выдеру, чтобы не зарился на чужое добро?

Сопротивляться со связанными руками парень не мог и теперь только уворачивался от сыпавшихся на него тумачков, не говоря при этом ни одного слова. Меня несколько удивило, что он ни в чем не оправдывался, не пытался ничего объяснить, даже не матерился, а просто молчал как партизан, с ненавистью глядя на мою разъяренную сестрицу своими вы-

разительными голубыми глазами.

В распахнутом красном халате, напяленном прямо на ночную рубаху, с растрепанными волосами и зверским выражением лица, Ксюша была сейчас похожа на рыжую ведьму.

Не приведи господи, увидеть такую ночью во сне!

– Ладно, хватит с него, – остановила я свою троюродную сестру. – Ты и так ему на память хороший фингал под глазом поставила.

– Так ему и надо, гаду, – не хотела униматься сестрица, так что теперь мне пришлось ее оттащить от мальчишки и пригрозить строгим голосом:

– Дождетесь у меня: сейчас обоих свяжу и сдам в ментовку, пусть там с вами разбираются.

– Меня девки предупреждали, – пояснила Ксюша, показывая пальцем на незнакомца. – На вокзале какая-то особая шайка появилась, которая поезда караулит и прослеживает, кто куда большую поклажу понес, чтобы потом себе отжать. Но вот чтобы так, среди бела дня...

Налетчик посмотрел на нее с нескрываемым презрением и молча сплюнул кровь – Ксюша сильно разбила ему губу.

Его внешний облик подсказывал мне, что парень явно не принадлежал к вокзальной мелкой шушере, которую видно за три версты. В его жестах, передергиваниях плечами, язвительной улыбке проглядывала какая-то скрытая надменность, не свойственная публике, промышлявшей по вокзалу и привокзальному рынку.

И потом, он казался до неприличия чистеньким! Прямо-таки студентом из Оксфорда в светлой рубашечке, с модной стрижкой на волосах, отдающих запахом дорогой туалетной воды. Я уловила этот запах, когда заламывала ему руки и близко наклонилась к уху.

Нет, парень был все же несомненно ближе к моей публике, которая работала по-крупному и с которой мне тоже приходилось выкладываться. К счастью, исключительно за гоночары в долларах.

– Вопрос первый: ты один? Кто тебя ждет на улице? Только без дураков, – посмотрела я на него своим пронзительным взглядом зеленых глаз, которому мог бы позавидовать любой экстрасенс. – Лучше сразу говори правду, а то потом хуже будет.

– Мама, – угрюмо пробормотал парнишка себе под нос и добавил еще что-то неразборчивое, чего я уже не услышала: через открытый балкон в комнате снова грянул надсадный гудок.

– Смотри-ка, тю: сам полез грабить, а теперь мамочку зовет, – зло засмеялась Ксюша и тут же привычно повысила голос настоящей русской народной проводницы: – И нечего здесь плевать кровью, не у себя дома! Иди в тамбур или, как его, куда подальше, и там плюйся. Сейчас живо самого убираться заставлю...

Парень молча смерил ее взглядом с ног до головы и отвернулся.

– Какая еще мама? – переспросила я, тут же вспоминая почему-то о своей тетушке, которая сейчас наверняка уже слегка перекусила и взялась читать детективчик. Знала бы она, откуда берутся все эти сюжеты и кому конкретно приходится их распутывать!

– Моя, – сказал парень сквозь зубы и снова замолчал.

– Смотри-ка, так у них целый семейный подряд! – воскликнула Ксюша. – Вот свиньи! Как будто другие не хотят нормально жить! Знаешь, как эти тряпки даются: семь потов сойдет, пока нужное найдешь, дотащишь, а потом еще и продать сумеешь!

– Сдались мне твои тряпки, – брезгливо скривился парень. – Я хотел тебя только как следует допросить, вот и все.

– Опять допросить? Да меня и так вчера всю этими допросами измочалили! – возмутилась Ксюша. – Давай не заливай – не отвертишься. Все равно на небо в клеточку тебе, гад, полюбоваться придется – за разбойное нападение с применением силы на одинокую женщину в ее собственном доме. И будет тебе врать! Первый раз слышу, чтобы свидетеля для допроса веревками скручивали. Скажи, Тань? Ты же юристка. Разве есть такие законы?

– Нет, – покачала я головой, начиная что-то понимать. – Законов таких нет. Как, кстати, твои имя, фамилия и отчество?

– Погорельцев. Константин...

– Соответственно Игоревич? – спросила я.

– Да, Константин Игоревич Погорельцев, – произнес парень с такой гордостью, как если бы назвался Петром Первым или Наполеоном Бонапартом.

– Вон оно что! – присвистнула Ксюша. – Опять продолжается херня из-за этого пропавшего!

– Хорошо, допустим. И что ты собирался сейчас делать? – продолжала я допытываться. – Ну вот, связал ты ее, и что дальше?

– Допросил бы как следует, – ответил Константин, помолчав. – Никто не хочет ничего говорить. Запугали всех или подкупили. А человек... пропал, и никаких следов.

Голос его еле заметно дрогнул, но парень сумел с собой справиться и только невесело вздохнул.

– Ой, Костик, что они с тобой тут делают? – услышала я у себя за спиной голос внезапно появившейся в комнате женщины.

Я оглянулась. Немолодая, но элегантно одетая особа с ужасом рассматривала открывшуюся перед ее глазами картину: связанного, окровавленного юношу, сидящего на полу среди разбросанных мешков и сумок, и двух возвышающихся над ним женщин, у одной из которых из ночной рубахи вывалилась наружу голая грудь.

Я указала Ксюше на ее оплошность, и моя сестрица без тени смущения спокойно запахнула халат и рассмеялась.

– Насилуем, – пояснила она, и я вспомнила, что не зря считала в детстве свою троюродную сестрицу похожей на ма-

ленькую разбойницу из сказки про «Снежную королеву». – Не видите, что ли? Сам пришел, сам хотел.

– Допрашиваем, – уточнила я, пощадив дамочку, которую от Ксюшиного вида и слов буквально передернуло. – Ваш Костик напал на женщину, чуть не задушил, вот мы и пытаемся разобраться...

– Костик, я как предчувствовала! – испуганно пролепетала женщина. – Костик, ну как же так: ты мне обещал! Ты же сказал, что просто хочешь задать несколько вопросов, и я тебе поверила! Зачем весь этот экстремизм? Ну что теперь прикажешь делать?

– От таких людей без силы ничего не добьешься! – зло пробормотал Константин.

– Ой, да у тебя кровь! – вскрикнула женщина. – Неужто зубик повредили? Открой рот, я посмотрю! Ну, не упрямясь же!

– Перестань, мама, – отстранился от нее Костик. – Не сейчас! Оставь меня в покое.

– Я вам вот что скажу, – заявила Ксюша. – Я сдам этого типа в милицию. Есть свидетели, что этот гаденыш совершил на меня нападение, руки ломал! Знаете, какие у меня теперь синяки на руках будут? Даже на пляже не разденешься! А скоро самая жарница начнется. И вообще, я чуть не задохнулась, когда он мне в рот кляп вставил.

– Да что вы, женщина, – быстро-быстро заговорила незнакомка. – Произошло недоразумение. Мой мальчик не из та-

ких, что вы. Он никогда пальцем никого не трогал. Просто он со вчерашнего дня сам не свой и находится в состоянии аффекта, как только узнал об исчезновении отца. Что вы, какая милиция!

– А мне-то что? У меня свой эффект, вот! – выставила напоказ Ксюша руку в мелких рыжих веснушках, на которой действительно ярко отпечатались следы пальцев.

– Господи, ну что же теперь делать? Что? – продолжала тихо причитать мать Костика. – Как бы нам с вами теперь разойтись по-хорошему? Хотите, я вам заплачу, чтобы вы забыли о недоразумении? Сколько? Так сказать, за причиненный моральный ущерб...

– И за физический в особенности. Ну, пятьсот рублей как минимум, – еще раз с нескрываемым удовольствием осмотрела Ксюша свою руку в мелких конопушках. – Пойдет?

– Пойдет, – вздохнула женщина, открыла сумочку и быстро вынула из кошелька несколько сторублевых бумажек.

– А тебе, получается, Костик, вовсе нельзя верить, – повернулась она к сыну и принялась нервно распутывать узел на его руках. – Я тебя одного больше никуда не отпущу. Сам же сказал: задам пару вопросиков, ты можешь пока в магазин сходить. Видишь, как дорого обходится твоя самостоятельность? Да помогите же мне кто-нибудь? Как это вы так сумели завязать, что невозможно распутать!.. Эх, Костик...

– Специальным узлом, – сказала я, освобождая заложника, которому его самостоятельность обошлась действительно

дорого, учитывая также намятые бока и разбитую губу.

Хорошо еще, что я не применила сгоряча прием карате, который способен на некоторое время вовсе отключить человека от действительности. А то бы совсем уж перестарались!

Но какова моя сестрица! Ловко она сумела продать свои сомнительные синяки за пятьсот рублей! Не зря стоит теперь в сторонке такая тихая и сияющая – наверное, прикидывает в уме, на что лучше потратить свалившийся на нее подарок судьбы.

– Все равно... Все подкуплены, с милицией дело иметь бесполезно, – сердито проговорил импульсивный сынок. – Ни от кого правды не добьешься. Все сволочи.

– Но так тоже нельзя! – возразила ему мамаша. – Глупость какая-то! Если ты не доверяешь официальным органам, нужно все равно действовать грамотно. Сейчас даже в Тарасове существуют частные детективные агентства, где работают профессионалы, я узнавала! Мне, кстати, Павел Андреевич дал телефон частного детектива Татьяны Ивановой, которая в свое время помогла ему, казалось бы, совсем в безвыходной ситуации. Нужно не махать зря кулаками, а как можно скорее ей позвонить и попросить заняться нашим делом.

– Твоя однофамилица, что ли? – спросила Ксюша, которая совершенно уже успокоилась, ощущая в кармане своего халата приятное похрустывание купюр.

Теперь она занималась тем, что пыталась собрать мои рас-

сыпавшиеся по всей комнате бусины. Увы, в пылу борьбы мое «женственное» украшение порвалось.

– Да как сказать? – ответила я неопределенно, с интересом разглядывая своих потенциальных клиентов. – Вообще-то, частный детектив Таня Иванова – это я.

– Ничего себе! – сказала Ксюша, по привычке взмахнув рукой, так что все собранные в кулак бусины дождем разлетелись в разные стороны. – С ума сойти! Правда, что ли?

– Правда, – потупилась я с видом скромницы, который, как говорила тетушка Роза, мне был особенно к лицу.

– А я-то думаю: где это ты, сестренка, так ловко научилась драться? – рассматривала меня теперь Ксюша во все глаза, как будто видела впервые в жизни.

Не поднимая глаз, я чувствовала, что и остальные сейчас занимаются тем же. Я дала возможность всем, и особенно Костику, вволю на меня полюбоваться, жалея лишь о том, что сняла при входе туфельки на высоком тонком каблуке.

– Это действительно вы? – страшно удивилась мать Костика. – Но... как вы здесь оказались?

Я подняла глаза, щедро покрашенные тушью «Max Factor», которой пользуются звезды Голливуда и частные детективы города Тарасова.

Костик по-прежнему смотрел на меня волком. Видимо, он до сих пор помнил удар по спине, и в особенности – свою унижительную позу, когда я сидела на нем верхом, как воинственная амазонка. Я же, напротив, вспоминала о нашей

схватке теперь с удовольствием. Особенно вид его розового уха и запах, исходящий от пушистых волос.

– А чего тут особенного? Зашла в гости свою сестренку навестить троюродную, правда, Танюш? Мы ведь как родные дружим, пиво пьем, – похвасталась Ксюша.

– Значит, тем более судьба, – сказала женщина. – Так вы возьметесь нам помочь найти мужа?

– Но мой гонорар...

– Столько, сколько скажете, – не дала она мне договорить. – В такой ситуации деньги не играют никакой роли. Главное – найти Игоря. И начать нужно прямо сейчас, сию минуту...

– Похоже, мы уже начали, – сказала я и повернулась к Ксюше, которая все еще никак не могла собрать бусы. – Садись, поговорим теперь спокойно.

– О! Опять! – плюхнулась она на диван, закатив глаза. – Похоже, это никогда не кончится!

– Как бы я хотела, чтобы закончилось как можно быстрее и, главное, благополучно, – тихо проговорила мать Костика, и на ее глазах впервые показались слезы: она была готова вот-вот разрыдаться.

– Расскажите для начала все, что знаете: куда и зачем ездил ваш супруг, все подробности, которые вам известны, – обратилась я к Погорельцевой официальным тоном, давая понять, что начала работать. Это подействовало – женщина сразу же вытерла со щек слезы, собралась и начала говорить.

Хотя то, что знала об этом деле Ирина Петровна Погорельцева, в прямом смысле почти что равнялось нулю.

Две недели назад ее муж с группой ответственных работников отбыл в Стамбул на представительную международную конференцию по проблемам Востока. Делегаты вернулись в Тарасов еще неделю назад, а Игорь Николаевич, решив воспользоваться подоспевшим очередным отпуском, имел намерение на обратном пути отделиться от группы и навестить в Душанбе друзей детства и родственников, потому что когда-то провел в этом городе годы своей юности. Так он и сделал. Погостив неделю в Душанбе, откуда пару раз звонил домой, сообщая, что у него все в порядке, он накануне отъезда продиктовал по телефону номер поезда и вагона, в котором вернется в Тарасов, и попросил сына непременно его встретить, сказав, что с ним может быть очень тяжелый груз. Переживал, что груз могут не забрать по дороге, как договаривались, и потому придется тащить его домой.

– Он не уточнил хотя бы примерно, какой именно груз? – сразу же задала я встречный вопрос рассказчице.

– Нет, и мы с Костиком очень удивились.

– Почему?

– Да потому что мой муж терпеть не мог таскать всякие тяжести, презирал мешочников и барахольщиков! Он всегда, сколько я его помню, даже из заграничных командировок возвращался с одной дорожной сумкой, такой он человек! – пояснила Ирина Петровна простодушно. – Легкий, творче-

ский человек!

– Ишь ты какой, мешочников он презирает! – сердито фыркнула Ксюша, которая приняла ее слова на свой счет. – Хорошо ездить с одним «дипломатом», если там пачки денег лежат. И я бы так ездила! А чего не ездить? Вот только откуда они у людей в таком количестве берутся? Вот интересный вопрос для следственных органов.

– Напрасно вы так говорите. Игорь всегда немного зарабатывал, – слегка покраснела Ирина Петровна. – Я же говорю вам – он творческий человек. Основной доход нашей семье приносит моя работа стоматолога-протезиста. Не скрою: это моих мужчин несколько задевает, но у детектива в этом вопросе должна быть ясность. Так что про пачки денег вы говорите полную чушь!

И Погорельцева с откровенной неприязнью посмотрела на расхристанную, несдержанную Ксюшу, с которой ей сейчас приходилось иметь дело.

Пожалуй, эта маленькая энергичная женщина с тщательным макияжем и ухоженными ручками могла бы выступать в качестве антипода моей сестрицы, если бы у кого-то возникла необходимость сравнивать разные психологические типы людей.

И все же мне как-то ближе была моя Ксюша. Дурища, конечно, но своя, троюродная.

– Видела я таких творческих, – спокойно ответила Ксюша, выдержав уничтожающий взгляд Погорельцевой. – Одни

гашиш любят, а зато другие дорожку предпочитают...

– Какую еще дорожку? – вздернула Ирина Петровна тонкие, выщипанные брови.

– Кокаин! Его вот так на руку дорожкой насыпают и нюхают. А потом исчезают, понимаешь ли! Испаряются как дым!

– Вы хотите сказать, что лично видели, как мой Игорь... – поразилась и прямо-таки задохнулась от неожиданности Ирина Петровна.

– Да нет, я не конкретно про него. А вообще, для образа. Так сказать, выражаясь творчески, – мстительно проговорила Ксюша, которая, похоже, никак все еще не могла простить дамочке презрительных замечаний о мешочниках. – Те, кому мешки таскать приходится, обычно спят как убитые, а зато всякие бездельники чем только не занимаются. Тихий ужас!

– Вчера мне довелось много чего услышать относительно наркотических... средств и препаратов, – медленно, тщательно подбирая слова, проговорила Ирина Петровна. – Насколько я поняла, у этого поезда особенно дурная репутация. И я сама до сих пор не могу понять: почему Игорь не полетел на самолете? Ведь последние несколько лет он вообще никогда не пользовался услугами железнодорожного транспорта, а тут вдруг поехал в этом ужасном вагоне, да еще с такой обслугой...

– А чем это вам услуга не нравится? – окончательно расвирепела Ксюша. – Во-первых, я вам не услуга, а провод-

ник! Во-вторых, я сейчас могу вас запросто с лестницы спустить. И вообще – вернуть деньги, и лучше уж в милицию пойти, заявление о нападении написать. У меня тоже гордость есть!

Ирина Петровна взглянула на мою троюродную сестрицу пылающими, как горящие угольки, черными глазками, но все же сдержалась, промолчала.

На помощь неожиданно пришел Костик.

– Скажи-ка, – вдруг резко повернулся он к Ксюше, заговорив на «ты», чего та и не заметила. – Вчера ты сказала, что отец ехал в вагоне на своем месте. Так?

– А на чьем же, на моем, что ли? – удивилась моя троюродная сестрица.

– Но на самом деле он ехал вовсе не на своем месте. На билете с его фамилией значится место под номером двадцать пять, а он спал той ночью на двадцать седьмом.

– И что с того? Это же напротив, – пожалала плечами Ксюша. – А там никого не было. У меня многие пассажиры любят по ходу поезда спать, говорят, что так меньше укачивает. Мне жалко, что ли?

– Да у моего супруга железное здоровье! Он в молодости даже в цирке работал, – воскликнула Ирина Петровна. – Его на вертолете – и то не укачивает, а вы говорите – по ходу поезда!

– Второй вопросик... – продолжал Константин, который все больше входил в роль обличителя.

Я слушала его с интересом и не перебивала – в такие моменты на свет могла вылезти действительно интересная и полезная информация.

– Второй вопрос. Как же ты все-таки могла не заметить, что человек пропал, если примерно за полчаса уже собираешь свои постели? Что, не видела, что в купе никого нет? Или у тебя плохо с глазами?

– Это у тебя теперь плохо с глазами, – усмехнулась Ксюша, намекая на поставленный фингал. – А могло быть еще хуже. Вот удивил! Как будто все мои пассажиры сущие ангелы! Да бывает, какой-нибудь придурок до последней минуты в соседнем вагоне в карты режется! А мне что же, из-за него потом нагоняй получать, запаздывать со сдачей белья или по прибытии свое время личное тратить? Ну ты скажешь тоже! Я уж лучше сама все сделаю, зато сразу домой пойду спокойно, чем бегать за каждым.

– Но тогда я вот что тебя спрошу, – проговорил Костик, и я увидела, как у него руки сжались в кулаки. – Очень интересно, что ты на это скажешь: почему в том купе, в котором ехал отец, запросто вынимается окно, так что в него без труда можно вылезти?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.